

НЕБОСКРЁБ КАК РАСШЕВЕЛЕНИЕ ОКОЧЕНЕВШЕЙ ТРАДИЦИИ

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Когда первобытный человек впервые почувствовал себя человеком, он оглянулся вокруг, и впервые задумался о мире и о себе. По существу это были два вопроса: теоретический и практический. Вряд ли он сам мог их отчетливо различить, но мы это сделать можем. Теоретический вопрос гласил: как устроен этот мир? Практический вопрос гласил: как должен вести себя в этом мире человек? На первый вопрос человек отвечал себе мифом. На второй — басней [1].

Миф был порожден представлениями о богах и местах их обитания, в басне разъяснялось, как должны складываться отношения человека с божеством и как — человека с человеком. Божеству поклонялись, предварительно выстраивая для него специальные здания, с людьми стремились жить в мире, но это получалось редко. Специальные здания для божества разрушались во время войн так же, как и человеческие отношения. Получилось, что уже на первых этапах обозримой истории за мифом закрепились определенные стереотипы человеческого отношения — близкие к косным; за басней, быстро из неписанной сделавшейся письменной, а из письменной ставшей «писаной историей» человечества, закрепились слава объяснения того, что иногда происходит с людьми, когда они забывают предания, и что

происходит с мифом, когда он перестает быть достоверным. То есть: теоретический и практический вопросы в античное и эллинистическое время сначала поменялись местами, а затем смешались. Миф остался формой веры, басня формой литературы.

Но едва христианство военным шествием заступило место вялого язычества, эти вопросы снова разделились. На теоретический и практический: как устроен этот мир и как должен человек себя в нем вести. На них отвечали уже более изощренно: и религиозно, и этически, и эстетически, — и духовно, и материально-практически. Духовное оказалось прерогативой теории, материальное прерогативой практики.

Разделение единообразной человеческой деятельности, некогда направленной на то, чтобы просто выжить, — на более и более обособлявшиеся сферы, привело к тому, что каждый «специалист» начал отвечать на теоретические и практические вопросы устройства окружающего мира (естественного, а еще более цивилизованно искусственного) с высоты, на которой он находился.

Понятие о высоте сформировалось, видимо, с тех пор, как человек самоощутился прямоходящим. А когда он понял, что небо начинается в миллиметре от земли (прислушавшись к Цветаевой), вся его деятельность в духовном

Park Row Building. 119 метров. Нью-Йорк. 1899

смысле получила вертикальный вектор: от земли к Богу; в материальном смысле — горизонтальный вектор: от друга к другу. С реальным пространством жизнедеятельности человека работал архитектор, и кому же, как не ему, было печься о вертикальности и горизонтальности материальных форм в этом пространстве? И то и другое должно было быть обосновано друг другом.

Единственным связующим звеном между материальным и духовным в архитектуре оказалось экономическое. Его наличие сразу выделило архитектуру из семьи искусств (досужих художеств) и превратило в коммерче-

скую область деятельности, невозможную без отношения «заказчик — деньги — исполнитель». Искусство, подчиняясь этому принципу, прекращает быть свободным и даже «искусством»; архитектура, подчиняясь ему, начинает становится полезным ремеслом. Отсутствие экономического фактора превращает деятельность архитектора в художественную деятельность (Булле, Пиранези, Леонидов, Чернихов, Ладовский итд), с архитектурой связанную лишь глубиной концепций и общим творческим духом.

Когда экономическая составляющая стала соединительной тканью духовного и материального, разделение первичных теоретического и практического вопросов в их превращенной форме дифференцировало назначение материального: Богу было отдано Божественное, смертным — смертное. Недаром уже греческие храмы из пентелийского и паросского мраморов, высота которых обуславливалась природой работы материала, самим устройством отличались от обычного полисного жилья, строившегося из глины: в храме крыша имела два ската, в жилье только один.

В римское время, когда инженерно-строительное дело обрело профессиональный размах, а религиозная чистота замутилась прагматикой потребительского отношения к божествам (*do ut des*), высотность храма и жилья была примерно одинаковой: римская многоэтажная инсула и храм всех богов Пантеон — почти одного роста.

С утверждением христианства, главным образом в Ромейской империи и прилегающих к ней землях, римский культ императора постепенно сошел на нет, а базиликальный тип храма, сформировавшийся на основе «царского зала», оказался чрезвычайно уместным материальным организмом для отправления культа. Усложнение формальной структуры (центричность) и бесовское расслоение (после XI века) типологии храмов на православный и католический — каждый со своими особенностями —

лишь подчеркивало место духовного начала в складывавшейся городской ткани, изощряя экономические схемы строительного созидания. На протяжении двух последних тысячелетий строительство жилья уступало и качественно, и эстетически строительству соборов, церквей, монастырей и колоколен. Качественно — это значит: строительный материал был долговечнее, прочнее и надежнее. Эстетически — это значит: архитектурная форма была технологически более осознанной, продуманно организованной, художественно более величественной и законченной. Высота объектов сакральной архитектуры, понятное дело, оказывалась каждый раз больше — и намного — высоты иных типов человеческих строений. Готические соборы — очевидное подтверждение.

В Новое время, когда, разгоряченная талантливостью титанических одиночек итальянского Ренессанса, европейская архитектурная традиция нашла повод пересмотреть ставшие традиционными воззрения на архитектурную форму, сохраненная высотность сакральных сооружений была продублирована псевдовысотностью отдельно стоящих стел и обелисков. Так абсолютизм пытался стать вровень с Богом, заодно организовав большие открытые пространства внесением булавоочной шпильки затейливого египетского обелиска [5]. Парижская булавка Эйфеля — результат буржуазного переосмысления августейших традиций.

Лишь только инженерное дело внесло в архитектурную и конструкторскую практику кардинальные новшества, невиданные со времен римского бетона, — металл, стекло и железобетон, — тяга к высотности прагматических строений возвысилась до самых небес. Расстояние «от неба до земли» было исчислено самым коммерческим образом; более того — конструктивно рассчитано и технологически обосновано. Духовность материи хоть и не сменилась материальностью духа, но меркантильность материи — особенно строительной материи — к концу XIX в. сделалась очевидной и неизбежной.

Singer Building. 187 метров. Нью-Йорк. 1908

Промышленный капитал совместился с банковским, и начиная с 1870-х в США образуются мощные корпорации Вандербильта (ж/д), Рокфеллера (нефть), Карнеги (сталь) итд. Пожар в Чикаго в 1871-м, повлекший перестройку города, породил манеры высотного строительства офисных зданий (т. наз. Чикагская школа) и новое слово в лексиконе: sky-scraper. Sky — небосклон, scarp — брак: метафора двусмысленная. На русском языке это понятие звучит: «небоскрёб», без уничижительного обертона. Самое понятие высоты переосмыслилось в этом почти басенном слове: sky-scraper. Первые такие строения были

Chrysler Building. 282 метра. Нью-Йорк. 1930

12–16-этажными — баснословно высокими и баснословно дорогими (правда, поначалу без санузлов: не научились подавать воду на высоту). Небоскрёб стал одной из форм человеческого поведения, преодолев мифологичность традиционных суждений о мироустроении: хотя бы в материальных категориях. Теоретический и практический вопросы настолько далеко отбежали друг от друга, что для того, чтобы ответить на каждый из них, требовалось специальное образование.

Весь XX век — гимн высоте, особенно после самолетно-космических полетов, когда небо для человека стало эрзацем земли: как дополнительное пространство передвижения; как одоленная мечта тех, кому было трудно ползать с гордо поднятой головой.

Преодолев высоту камнем, мыслью и технической сноровкой, человечество вступило

в эру экологического неравновесия и занервничало: цивилизация стала на путь необходимого самоуничтожения. Либо «экология», либо удобство — *tertium non datur*. Поэтому возмущение загрязнением среды — напрасный стон: комфорт и скорость — расплата за свежий воздух и чистоту улиц, как сколиоз — за прямохождение. Небоскрёб — символ именно этой неодолимой тенденции, как некогда Эйфелева башня — символ инженерной смелости и французского жеманства.

Неприятие небоскрёба на улицах исторических городов — свидетельство косности мышления и архитекторов, и муниципальной администрации. Семантика небоскрёба — семантика современности как таковой, урбанизированности городского каркаса, в котором автомобилям тесно, а высоткам просторно, ускоренности жизненных темпов, от коих спасу

Burj Khalifa. 828 метров. Дубай. 2010

нет, непреодолимости развития города в режиме стихийных, слабоуправляемых, но мощных инвестиций. Небоскрёб — вынужденно современная форма создания жилья в крупнейших городах, обоснованная исторически и обставленная материально. Это — материализованная форма представления о высоте, когда практически нет ограничений для ее создания, а теоретически человек уже все понял.

Единственно, что можно сказать в утешение той среде, в которой возникают небоскрёбы, это: среда, твои ветхие формы на фоне сих стеклопакетных гигантов выглядят уютно и по-домашнему, потому не сопротивляйся времени, это бесполезно. И потом: небоскрёб ведь тоже культурная, а иногда и архитектурная форма. Он — ярко выраженное противоречие между культурой и цивилизацией. Цивилизация — это рационалистически переродившаяся

культура, неспособная более к творчеству большого стиля. И едва ли не главное отличие цивилизации от культуры: она становится религиозно нейтральной, теряет способность создавать свежие религии. Переход от культуры к цивилизации это климактерический переход от творчества к бесплодию, от становления к окостенению, от «души» к «интеллекту», от «такта» к «напряжению», от «деяний» к «работе». Это постмодернистский скепсис, но именно он сопровождает современное развитие архитектурной формы.

Помните, в 1 тыс. до н.э., когда державы древнего Востока, создав чрезвычайно высокую культуру, под влиянием окоченевшего политического устройства успокоились на достигнутом, произошло то же, что позднее с культурой Греции в X–VII вв. до н.э.: вместо того чтобы развивать математику, они заучива-

ют решения задач. Когда-то вследствие неумения египтяне рисовали лицо в профиль, а глаз так, как он виден, когда лицо анфас. В позднее время, когда скульптура достигла высокого развития, египтяне продолжали по окаменевшей традиции рисовать свой египетский глаз точно так же, итд.

Когда традиция окаменеет, над результатами ее творений (производных) начинают посмеиваться те, кто находится вне традиции: в авангарде или в стороне. Смех разрушителен

во спасение, он нелицемерен и открыт. И очищает, как огонь, от заскорузлости пенсионных, старушечьих форм мышления.

Небоскрёб — столетняя традиция мировой архитектуры. Важно ее вовремя высмеять, и понять, где к высоте может быть отнесен теоретический вопрос, а где практический. Если выдержит, значит, его нужно строить, затем, поднимаясь на культурный уровень, создавать вокруг политические мифы и выдумывать кинематографические побасенки.

1. *Гаспаров М. А.* Античная литературная басня: Федр и Бабрий. — М., 1971.
2. *Габричевский А. Г.* Теория и история архитектуры: Избранные сочинения / Под ред. А. А. Пучкова. — К., 1993.
3. *Мардер А. П.* Эстетика архитектуры: Теоретические проблемы архитектурного творчества. — М., 1988.
4. *Ерофалов Б. А.* Glass архитектуры / Предисл. А. Пучкова. — К., 2009.
5. *Ерофалов Б. А.* Обелиск: Опыт культурологического исследования в области истории архитектурной формы. — К., 2009.
6. *Пучков А. А.* Очерки о древних и раннесредневековых городах: К поэтике античной архитектуры / ИПСИ АИУ. — К., 2006.
7. *Пучков А. А.* Архитектурно-культурологические очерки: Феномены, явления, вещи / ИПСИ АИУ. — К., 2008.

Аннотация. В статье предложен взгляд на развитие высотного строительства как на результат культурного и цивилизационного совмещения двух геометрических категорий: вертикали и горизонтали.

Ключевые слова: небоскрёб, вертикаль, горизонталь, культура, цивилизация.

Анотація. У статті запропонований погляд на розвиток висотного будівництва як на результат культурного й цивілізаційного суміщення двох геометричних категорій: вертикалі та горизонталі.

Ключові слова: хмарочос, вертикаль, горизонталь, культура, цивілізація.

Summary. In article the sight at development of high-rise building as on result cultural and civilization combination of two geometrical categories: verticals and horizontals.

Keywords: skyscraper, vertical, horizontal, culture, civilization.